

Альфа может легко разорвать эти отношения, не получив никакого вреда. Но помеченный Омега не сможет уйти от Альфы, если только не удалит железу. Иного пути нет.

И даже этот единственный путь крайне сложен.

Предложение Цинь Хэна об обручении, хотя и казалось абсурдным, при более внимательном рассмотрении оказалось наиболее разумным решением для Лу Туна.

Поскольку Цинь Чу сделал ему временную метку, их отношения не должны оставаться в таком неопределённом состоянии.

Иначе кем же тогда станет Лу Тун?

Лу Чжиянь сказал:

— Он осмелился пометить тебя, но не осмеливается взять ответственность?

Лу Тун:

— Я сам согласился. И я не хочу обручаться с женщиной.

Раньше он сам был Альфой, он не гей, и даже будучи Омегой, он не думал о том, чтобы встречаться с женщиной.

Лучше найти женщину-Омегу.

Линь Сыинь с грустью спросила:

— Тебе не нравится Цинь Чу?

Пальцы Лу Туна слегка сжались, и он начал уклончиво отвечать:

— ...Ну, да, так... наверное...

Линь Сыинь сказала:

— Тогда, конечно, если не нравится, то не стоит. Но... временная метка может быть только от Цинь Чу?

Лу Тун:

— У меня есть отторжение к феромонам других Альф.

Линь Сыинь, глаза которой уже были полны слёз, сказала:

— Как же так получилось?

Она повторила это дважды:

— Как же так получилось?

Лу Чжиянь на время замолчал.

Лу Тун:

— Это не такая уж большая проблема. Когда закончу школу и стану совершеннолетним, сделаю операцию по удалению железы.

Лу Чжиянь рассердился:

— Легко говорить! А что ты будешь делать потом? Разве ты не хочешь детей?!

Лу Тун замер:

— Ещё ничего не решено.

Лу Чжиянь:

— Я не позволю тебе удалять железу.

В его голосе снова слышались командные нотки.

Лу Туна это раздражало, и он не хотел продолжать разговор.

— Я устал, пойду спать.

Линь Сыинь тут же сказала:

— Завтра выходной, мы ходим в другую больницу.

Лу Тун:

— Как хотите. Я не пойду, у меня свои планы, не вмешивайтесь.

Лу Чжиянь разозлился, встал и хотел поспорить с Лу Туном, но Линь Сыинь резко потянула его на диван:

— Хватит ссориться!

Лу Чжиянь:

— Посмотри на его дерзость! Это всё ты его избаловала!

Линь Сыинь не осталась в долгу:

— Я избаловала? Если бы ты не был так строг с сыном, он бы был таким? Он даже не сказал нам о таком важном событии, чья это вина?

Линь Сыинь говорила всё более эмоционально, и в конце её голос дрожал от слёз.

Лу Чжиянь, увидев, что жена плачет, сдался:

— Я...

Он сердито сел:

— Разве это моя вина?!

Линь Сыинь:

— Если бы он рассказал нам о вторичной дифференциации, ничего бы этого не случилось. Разве мы бы не отвели его в больницу? Он ещё так мал, что знает? Если бы мы вовремя вмешались, ничего бы этого не было.

Лу Тун поднялся на второй этаж, закрыл дверь и тяжело вздохнул.

Он потер виски, бросил мобильный телефон на стол и упал на кровать.

... Что за чертовщина?

Он уткнулся лицом в подушку, потом, почувствовав, что не может дышать, повернулся и устался в потолок.

Голос Цинь Хэна продолжал звучать в его голове.

Обручение?

С Цинь Чу?

Лу Тун рассмеялся. Это не должно было происходить в его жизни, это скорее подошло бы для сборника анекдотов.

Честно говоря, Лу Тун не испытывал неприязни к Цинь Чу.

Но их отношения ограничивались лишь дружбой.

Происхождение и статус Цинь Чу были далеки от его собственных. Лу Тун не был глупцом, он понимал, что этот представитель золотой молодёжи из высшего общества и он сам — совершенно разные люди. Просто из-за того, что они учились в одной школе, у окружающих создавалось впечатление, что они равны.

На самом деле, как только они закончат учёбу, разница между ними станет очевидной: тот, кто взлетит к небесам как дракон, и тот, кто останется червём на земле — это два разных существа.

Лу Тун не стремился к славе и богатству, он до сих пор не решил, чем будет заниматься после окончания школы.

Раньше он думал пойти по стопам матери и стать актёром — говорят, это тоже прибыльно.

Или, что ему меньше всего хотелось, — следовать плану отца: поступить в Университет Цинхуа или Пекинский университет, продолжить обучение в магистратуре и докторантуре, а затем устроиться в Академию наук.

У него было так много возможностей, но ни одна из них не включала Цинь Чу.

Если бы Цинь Чу был девушкой...

Лу Тун, положив руки под голову, смотрел в потолок.

Она была бы невероятно красивой.

«Если бы он был девушкой, согласился бы я сегодня на обручение?»

Лу Тун, закинув ногу на ногу, покачивал ею.

Вряд ли.

Его семья никогда не позволила бы своей дочери выйти замуж за такого «бедняка», как он.

Семья Лу Туна не была бедной, даже по сравнению с обычными семьями их можно было назвать зажиточными.

Но по сравнению с семьёй Цинь Чу, слово «бедный» было вполне уместно.

Огромная пропасть между их социальными статусами была почти непреодолимой для Лу Туна. Он представлял множество возможностей: если бы Цинь Чу был женщиной, если бы у Цинь Чу не было кого-то, кто ему нравится, но как бы он ни пытался, они всё равно не могли бы быть вместе.

Как две параллельные линии, которые никогда не пересекутся, если их насильно скрутить, они станут клубком.

Два клубка сплетаются вместе, но их ждёт только кипящее масло, и страдания, которые они испытают, трудно представить.

Лу Тун так увлёкся своими мыслями, что даже не заметил, как он искал множество возможностей, множество путей отступления — но ни разу не подумал о своих собственных чувствах.

Разум подсказывал ему, что быть с Цинь Чу — это бесконечные проблемы. Он был человеком, который избегал сложностей, и не справлялся с большим количеством эмоций. Чтобы избежать всего этого, лучше всего было решить проблему в зародыше.

То есть не иметь дела с Цинь Чу.

Он придумал столько причин, чтобы отказаться от предложения Цинь Хэна об обручении, но ни одна из них не была связана с тем, что он не любит Цинь Чу.

Лу Тун пока не мог справиться с такими сложными вопросами, и подсознательно избегал их.

Закрыв глаза, он решил просто поспать.

В полусне его мобильный телефон на столе начал вибрировать.

Лу Тун перевернулся, и окно у кровати начало громко стучать.

Комната Лу Туна находилась на южной стороне, и кровать была расположена в том же направлении.

Кровать стояла у окна, которое выходило на запад, на небольшой балкон площадью около десяти квадратных метров. Его комната была на втором этаже, окно было панорамным, и обычно, когда он спал, он закрывал шторы, чтобы люди с улицы не могли заглянуть внутрь.

Стук в окно становился всё громче и чаще, пока Лу Тун не смог больше терпеть. Он встал, открыл шторы и подумал: «Дождь?»

За окном росло дерево, и когда шёл дождь, ветер заставлял его ветви биться об окно, издавая

неприятный звук.

Открыв шторы, он увидел, что действительно идёт дождь.

Лу Тун открыл окно, и вдруг в него полетел стеклянный шарик. Он быстро уклонился, и шарик, как пуля, влетел в комнату, подпрыгнул пару раз и покотился в сторону гардеробной.

Стеклянный шарик?

Первой мыслью Лу Туна было, что это проделки какого-то ребёнка из соседнего дома, который бросает шарики в окна.

Он открыл окно шире, готовясь отчитать хулигана.

Холодный октябрьский ветер ворвался в комнату, и Лу Тун увидел Цинь Чу, стоящего у его заднего двора.

Дождь лил как из ведра, но он не раскрыл зонт, словно горный поток, который с грохотом обрушился в сердце Лу Туна.

Он поднял голову и понял, что грохот был не в его сердце, а в небе — это был гром.

Октябрьская погода была непредсказуемой: только что светило солнце, а теперь лил проливной дождь.

В газетах люди горячо обсуждали, что этот год стал самым странным по погоде, или что это всё из-за глобального потепления, призывая всех беречь природу и заботиться о планете.

Но, несмотря на все эти разговоры, никто не сказал, что делать, если Цинь Чу окажется у дома Лу Туна.

И, конечно, никто не сказал, что делать, если Лу Тун почувствует себя растерянным.

К счастью, народ не давал советов.

Цинь Чу сам предложил Лу Туну решение.

<http://bllate.org/book/16741/1561629>